

кирилл меньшиков

СМОГУ.

победить рак

всероссийский проект

Кирилл Меньшиков

СМОГУ. Победить рак

Серия «Звезда Рунета»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21975437

К. Меньшиков. СМОГУ. Победить рак: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2016

ISBN 978-5-17-095015-7

Аннотация

Книга «СМОГУ. Победить рак» – реальная история не только борьбы, но и становления, преодоления невзгод на пути к цели. Кирилл, которому поставили диагноз лимфома Ходжкина, – удивительное явление современности, когда общество разобщается, а люди закрываются в свои тесные мирки. Однако свои невзгоды помогли ему понять и почувствовать, как сложно остальным, а также спасти жизни многих людей. «СМОГУ» – это проект, который может и делает – спланирует людей.

Содержание

Вместо предисловия	5
О сборе денег на лечение	8
Часть первая. До диагноза	13
Воспоминания о владимирском детстве	13
Армейские будни	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кирилл Меньшиков

СМОГУ. Победить рак

© Меньшиков Кирилл

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Посвящаю книгу всему миру, чтобы никому не
было обидно*

Вместо предисловия

Всем привет, меня зовут Кирилл, мне 20 лет. Немного расскажу о себе как о человеке, своих целях, о самом проекте и планах на будущее. Родился во Владимире, в обычной семье, обычным парнем. За последние несколько лет в моей жизни произошло много неприятных моментов. Один из них стал переломным, тот самый момент, в котором я узнал свой диагноз и понял, что тяжело болен. Этот момент заставил меня о многом думать: о жизни, о том, что в ней произошло, о том, что в ней может произойти. Собственно эти раздумья и привели меня к одной идее, цели, мечте. Поговорить обо мне подробно мы всегда успеем. Сейчас я хочу познакомить вас со своим проектом.

Цель: показать, на что способен человек, несмотря на жизненные трудности, показать, что при желании человек может справиться с любой проблемой, какой трудной бы она ни была.

Находясь на лечении, я наблюдал за людьми в больнице. Почти все жалуется на несправедливость судьбы, подсчитывают остаток дней, на боль, на безысходность ситуации. Собственно я хочу показать на своем примере, что не стоит уделять подобным вещам столько внимания, нервов, переживаний, что не стоит опускать руки и стоит попытаться помочь еще и другим назло всему.

В данный момент я уже собрал небольшую команду. Замечательные люди, которые поддержали мою идею и готовы ее реализовывать.

Что же я собрался делать?!

Я и моя команда собрались отправиться в места, где требуется наша помощь.

У нас не будет границ в выборе места. Каждый раз может быть любая точка мира. Когда все будет готово к отправке, мы просто откроем карту и тыкнем пальцем. Далее будем смотреть, что требуется в этом месте.

Первая вылазка планируется на территории нашей необъятной Родины.

По каким причинам?!

Во-первых, мне надо добить свои курсы химии и лучевой терапии, которые ограничивают меня в действиях.

Во-вторых, за время оставшегося лечения привести себя в хорошую физическую форму, ибо болезнь забрала у меня достаточно много веса.

И в-третьих, за это же время окончательно все до конца продумать.

Многие спрашивают, не будет ли все это во вред моему здоровью?

Все мы когда-нибудь умрем, ибо жизнь не вечна. Что я точно знаю, так это то, что умру я не от этой болезни, а все остальное приложится.

О сборе денег на лечение

Меня никогда не волновал мой диагноз, и ничем не мешал, несмотря на все невыносимые процедуры, которые я проходил для лечения. Когда я достиг ремиссии, а через полгода начался рецидив, я просто улыбнулся и посмеялся. Ничем меня это не удивило и не задело. Но спустя какое-то время, рак дал осложнения, к которым я никак готов не был. Лежал я себе дома и пил молочный коктейль, как вдруг начал поперхиваться и кашлять с каждым глоточком. «Аллергия», – подумал я. А на следующий день как раз начинался очередной курс химиотерапии. Позже я понял, что, даже глотая слюны, я поперхиваюсь и кашляю. Я полностью перестал есть и пить, плюс химия давала свои эффекты. Было очень тяжело, спустя несколько дней меня начали обследовать хорошенько. И на одной из диагностик выявили, что у меня свищ, дыра между трахеей и пищеводом. Сначала я подумал, что это очередная ерунда, которая вскоре пройдет. Но не тут-то было, сказали, что нужна операция, чтобы питаться, нужно было дренировать в живот трубку, куда пища бы поступала с помощью шприца. Меня это тоже не удивило и не заставило дрогнуть, подумал, что очередная трудность, которую я переживу. Но когда мне сказали, что это навсегда, я потерял разум, ведь для меня самое ценное в жизни – это есть, а вернее жрать все и везде. Еда для меня нечто

святое. А тут мне сообщают, что я никогда не смогу сам есть и пить, и даже слюни всю жизнь придется схаркивать. В этот момент я понял, что мне нужно искать место, где мне скажут, что это неправда и выход есть. Спустя какое-то время, поиски разных клиник в разных странах в Интернете, я понял, что это микрохирургия, которая в нашей стране мало прогрессивна. Проконсультировавшись, я выяснил, что мне предстоит долгое и тяжелое лечение, которое стоит много денег, а именно ни один и ни два миллиона рублей, а гораздо больше. В панике, долго думая, я решил обратиться к своим подписчикам в видеобращении со своим недугом о помощи. Я не знал, что, как и где. Все, что я знал, что это чрезвычайно дорого. В итоге я открыл сборы, в которых активно приняли участие подписчики, они создали листовки и прочее, и сували их везде, где только можно. Тут-то я и осознал, какую ошибку допустил. Я никогда не думал, что в мире существуют такие злобные люди, которых я бы на месте застрелил. Как меня только не называли потом: и мошенником, и маленьким сынком, который побирается, и прочее. Уверяли, что все это ерунда, которая спокойно лечится даже дома. Все ведь у нас великими врачами стали и все знают. Про трубку в моем животе вообще говорили, что это мочевого катетер, и я очень активно всех обманываю. Спустя примерно месяц я прекратил сборы. Лучше уж сдохнуть, чем видеть такое от людей, подумал я. Несмотря на это, они продолжили добиваться того, чтобы настроить всех против меня, показав ка-

кое я ничтожество и прочее. Вскоре они добились того, что мою публичную страницу заблокировали за «Подозрительные сборы». Это был предел того, что могли выдержать мои нервы. Ведь я, грубо говоря, потерял все плоды своего труда, который делал на протяжении года. Будто оторвали частичку меня. Люди просто напросто забыли, что у меня не какая-то группа сборов, а проект, публичная страница с важной информацией. Но никто не слушал, в итоге я создал новую. А вернее не я, а одна из подписчиц. Так как я был не в состоянии по здоровью даже сидеть в Интернете, все делали за меня. Со временем привели новую группу в порядок, но через какое-то время, подписчица, создавшая группу просто напросто перешла на сторону людей, которые меня клеветали, как могли. Она удалила всю информацию в группе и написала один единственный пост о том, какой я плохой и мошенник. На этот раз я уже отнесся на «пофиг», мне уже было все равно, так как я уже 100500 раз пожалел о том, что начал какие-то сборы и прочее. Со временем, подписчики по голосованиям предложили мне клинику в России, со своими отзывами и так далее. Не долго думая, я решил довериться матушке России и лечиться здесь, а не за границей. Провел я там аж полгода, не выписываясь. И все это время на меня клеветали по-прежнему как могли. Какие гадости я только не читал, из-за которых хотелось просто покончить с собой. В итоге я взял себя в руки и просто грубо посылал таких людей, что естественно накаляло обстановку, но я поступал так,

как считал нужным. За полгода я пережил несколько разных операций, трубки, наверное, из меня торчали уже везде, где только можно. Похоронить меня пытались уже раза три, говорили, что могут только удалить пищевод и разобщить тем самым просвет. А это значит, что я никогда не смог бы разговаривать, и по-прежнему питался бы через трубочку. Но зато я бы выжил. Самое ужасное, что было, – это две недели в реанимации. Я бы никому и никогда такого бы не пожелал. Ты просто лежишь в четырех стенах полностью без одежды присоединенный к аппаратам разным и смотришь в потолок. Это было невыносимо, я уже несколько раз был готов просто встать, оторвать все трубки и приборы, которые ко мне присоединили, и уйти в свое отделение сам. День за днем мне говорили, что, возможно, завтра переведут в отделение, но каждый раз случалось что-то плохое, из-за чего я не выжил бы в отделении. Поэтому лежал в реанимации все время. Одно дело, когда ты спишь все это время, другое – когда ты не можешь спать из-за разных осложнений и 24 часа просто с открытыми глазами смотришь в потолок. Нельзя даже на бок повернуться. Со временем настал тот час, когда провели самую главную операцию и отсекли мне шесть колец трахеи, соединив концы друг с другом. Шансов было мало, но я выжил, и не просто выжил, а теперь я без единых трубок, сам ем и пью. Это было как во сне. Когда я наконец-то приехал домой, я незамедлительно возобновил свои поездки и отправился в Казань. Но тут снова началось, клевета и про-

чее. «Кирилл выписался и начал развлекаться и отдыхать, а говорил, что будет ездить к деткам в детдома и центры онкологии». Это было возмутительно, так писали, потому что я не писал о том, что делаю в Казани. В итоге, я просто сфотографировался на фоне детской онкогематологии с «Факом» в камеру и отправил этим «доброжелателям» со словами, что я не обязан отчитываться о каждом, кого глажу по головке. Я это делаю не для показухи, я писал, снимал и выкладывал достаточно, чтобы видеть, что я делаю. Если бы я писал и выкладывал о каждом своем «добром» поступке, это было бы еще смешнее, чем читать о том, что я мошенник, хам и вор. И еще всякие разные гадости. Несмотря на все свои разочарования в этом мире, я продолжаю делать то, что делаю. Продолжаю общаться с людьми, которые хотят моего совета или просто разговора. Делал, делаю и буду делать. На зло всем гадам, которым я не угодил чем-то.

Часть первая. До диагноза

Воспоминания о владимирском детстве

Все детство я провел во Владимире, и у меня осталось немало хороших, светлых воспоминаний. Почему-то часто вспоминаю первый раз, когда я вышел на улицу с родителями, я тогда еще совсем маленьким был. Познакомился со своим первым другом, я помню, он меня пригласил на арбуз, потом еще один был, его уже я к себе пригласил, и потом еще некоторое время путал их. Мал еще был. Детство шло, у нас была своя дворовая компания, где, как-то так получилось, я был душой, заводилой: куда я – туда и все, за мной. Так было всегда. Конечно, мы массу времени проводили на свежем воздухе, прыгали по гаражам, бегали по гостям, и не было еще никаких планшетов и видеоигр – самое настоящее детство.

Почти нигде за пределами родного города я не бывал, только однажды съездил с отцом в Москву в командировку на служебном автобусе. Я еще в садике тогда был, но запомнил эту поездку очень хорошо. Да и из садика отец иногда забирал меня на служебном транспорте, на этом огромном

грузовике. Сажал меня к себе на колени, давал водить даже.

Папа у меня часто бывал в отъезде. Почти вся семья ведь пошла по военной линии, вот и он то и дело отправлялся на службу по контракту. Был в Чечне, в других зонах боевых действий. Где-то нужно было охранять какие-то объекты, где-то участвовать в операциях. Все это длилось до тех пор, пока не были убиты два самых близких его товарища, с которыми он всегда шагал рука об руку. Он приехал, а ведь у нас всегда был праздник, когда он возвращался, мы всегда отправлялись куда-нибудь посидеть все вместе, а на сей раз все было совсем не так, и все были в слезах. В общем, после этого он и оставил контрактную службу, мама убедила его в этом, ну а в дальнейшем я не особенно об этом расспрашивал.

В семье я был единственным ребенком, но очень дружил с двоюродным братом и провел с ним все детство. Мы с ним были настолько близки, что, например, если я болел и меня нужно было уговорить принять лекарство, то мне дробили таблетку в ложке с сахаром, а потом уговаривали, мол, сейчас выпьешь, а потом поедem в гости к брату. После этого я, как правило, соглашался.

* * *

В детстве много у нас было выдумок забавных. Мы вечно

собирались дружной толпой, а потом придумывали, чем займемся. Я частенько всех агитировал на всякие шалости. Нам, помню, было лет по двенадцать, а были еще у нас дворовые пацаны лет пятнадцати-шестнадцати. Мы их боялись, а они нас шугали. Эти парни у какого-то деда прикупили старый «Запорожец» рублей за пятьсот, и все в нем ковырялись и сидели, это была их машина. Все делали в ней что-то.

А мы всегда пытались им насолить. Как-то раз гуляем мы по двору, и тут я вижу этот самый «Запорожец», а он пустой, и никого нет около него. Я и говорю своим товарищам по дворовым играм: а давайте мы посидим немного в этом автомобиле? Недолго думая, они согласились. И вот, мы сидим в машине, видим, там откуда-то из-под приборной панели провода торчат. И тут я предлагаю подсоединить проводки по очереди, совсем как в фильмах показывают. Мы давай заниматься этим по очереди.

Когда очередь вновь дошла до меня, я решил попробовать эту манипуляцию несколько раз. И вдруг машина завелась и покатилась! Ох и перепугались мы! Паника, слезы, выскочили, бросились врассыпную, убежали далеко-далеко. Каких только картин не рисовала нам фантазия! Машина врзалась в дом, дом снесло, машина вдребезги... Через полчаса все-таки решили вернуться. Смотрим – машина так и стоит, только чуть-чуть сдвинулась, и никакой катастрофы, в общем, не наблюдается. А тут и ребята эти подросли, хозяева машины. Закончили чаепитие у кого-то из них дома,

спускаются во двор, а тут «Запорожец» не на месте стоит, сдвинулся немного вперед, да еще и мы около него крутимся, а машина-то открыта. Мы снова в панику и в слезы: ох и достанется же нам сейчас. В общем, мы кинулись в магазинчик, что был неподалеку, все-таки там взрослые работают, и явно же нас не тронут при них. Продавщицы нас и спасли от погони: когда разъяренные старшие прибежали за нами, сказали им: «Да это же дети, отстаньте вы от них!» – «Эти дети «Запорожец» только что угнали!» – возмущались те в ответ. Вот такая репутация у меня была.

Потом они нам отомстили, кстати. Подкараулили нас как-то во дворе и облили водой, было обидно. С тех пор прошло месяца два, машину эту они перегнали поближе к моему дому, и, спускаясь однажды во двор, мы снова увидели хорошо знакомый нам «Запорожец». На сей раз он был предусмотрительно заперт, но мы все-таки влезли туда через маленькое треугольное боковое окошко – все-таки, нам всем было примерно двенадцать лет, и наши тогдашние габариты еще позволяли нам это. Сидим в машине, веселимся, вещи там были разные интересные, например, переносные колоночки на проводах, приборная панель опять же, а хозяева машины снова где-то пили чай.

Мы сидим-сидим, смотрим-смотрим, а они вдруг выходят из подъезда и видят, что мы сидим в их машине. Неслыханная наглость! Возмущению их не было предела, мы кое-как вылезли через это крошечное окошко из машины, ско-

рее мчимся в мой подъезд, закрываем за собой дверь. Спрятались на втором этаже за какими-то ящиками, сидим там тихонько, сначала не издавали ни звука, а потом начали потешаться, что-то выкрикивать: «Эй, где вы, мы здесь!»

Через полчаса на этаже кто-то появился. Прибежал почти туда, где мы сидели, ходил не меньше минуты, а то и больше, потом вышел, спустился, закрыл дверь. Мы перепугались так, что еще час сидели тихо. Так нас и не поймали за это!

Много было веселых историй в детстве во дворе. А пацаны те, хозяева «Запорожца»... Один вот, например, за убийство сидит, будучи пьяным, пырнул друга ножом за то, что тот денег ему одолжить отказался, а остальные – кто куда, кто живет, кто уехал давно из города.

* * *

О школьных годах вспоминаю не очень много. Класс у нас был, мягко говоря... нет, не то чтобы дегенераты, конечно, но относились мы друг к другу так себе. Все клички друг другу давали. У меня, например, была кличка «мешок». Ну, от фамилии Меньшиков, по всей видимости. И более сплоченным коллективом, то есть тем, что называется «класс», мы стали уже под конец обучения, когда пришла пора прощаться.

За всю свою школьную жизнь я ни разу не прогуливал уроков, хотя и не было каких-то конкретных предметов, к которым я питал бы жгучий интерес. Но пропускать занятия все равно не хотелось. Правда, прогульщиков в моем классе и без меня хватало. Несмотря на нормальную посещаемость, учился я не то чтобы очень прилежно. Как-то, помню, была одна четверть, за которую у меня были тройки по всем предметам, и лишь по физкультуре стояла четверка.

В общем, школу я любил не особенно, но это никак не отражалось на моем интересе к некоторым предметам. Например, к истории, причем были отдельные темы, которые я изучал особенно глубоко. Например, было интересно изучить историю моей фамилии, она очень старинная, и я знаю ее назубок, и оценки за такие темы у меня всегда были хорошие. Думаю, это знакомо многим: когда есть интерес, все получается очень хорошо. Важен стимул.

Армейские будни

Я всегда хотел идти по военной линии. У нас в семье это потомственная профессия: папа – пограничник, дед – подполковник ФСБ. Военное дело всегда увлекало меня. После девятого класса я решил получить среднее образование, потом идти в армию, а уже после поступить в институт. Словом, я оказался в одном из владимирских колледжей на техническом факультете. Там я проучился три курса, после чего все-таки оказался в армии.

Мне исполнилось восемнадцать, призыв уже заканчивался, но, видимо, в военкомате был недобор, а потому к потенциальным призывникам, которые уже достигли совершеннолетия, просто приезжали домой, без разницы, учатся они или нет. Позвонили и в мою дверь: мол, надо срочно подписать какие-то бумаги, чтобы потом без проблем попасть на медкомиссию, пятое, десятое... В общем, подписал я одну бумагу, другую. Смотрю, а на меня уже форму примеряют. Думаю: да, что-то не то. Позвонил отцу, рассказал, а он мне: «Ты что подписывал-то?!» Я отвечаю: «Ну, военник, еще кое-что». «Ну, поздравляю, – говорит, – теперь ты служишь».

Казалось того, что все наперекосяк. Мы ведь с двоюродным братом собирались после колледжа вместе в армию идти, в одну часть хотели попасть, в одну роту, а тут... Про все совместные планы пришлось забыть. Брат пошел служить

уже тогда, когда я вернулся. Ну а меня направили в Нижний Новгород. Там, в армии, и начались первые проблемы со здоровьем. Держалась постоянная температура – не очень высокая, 37–37,2. Но там с этим строго: три раза в день термометрия, а если что – лазарет. А в армии не любят больных, ведь как это – другие работают, а ты лежишь в больничке, лежишься?

Это уже потом мне сказали, что, раз еще там у меня появились эти симптомы, значит, уже тогда онкология у меня была. Но я не придавал этому значения и выкручивался, как мог. Да и кто в армии будет думать об онкологии? Там совсем другим болели. Пневмонией, например, были даже случаи, что ребята умирали от этого. Правда, воспаление легких у многих было: все же условия не самые легкие, особенно когда зима на дворе. За нашим здоровьем вроде как следили, но постольку-поскольку. Например, ставили в помещениях тарелки с нарезанным луком, чтобы микробов убивать. В столовых мы ели чеснок. Но лазарета старались избегать: если ты лежишь там, ты вроде как плохой.

На носу была присяга, родные обещали приехать ко мне, а у меня на градуснике почти сорок. Все-таки за три дня сбил температуру, выписали меня, а потом я старался не замечать общее недомогание и повышенную температуру.

Телеметрия, как я уже говорил, была трижды в день, и рано или поздно я попадался со своей повышенной температурой, как я ни старался ее спрятать. А болезнь началась у ме-

ня сразу же, как я оказался в армии. Вообще, надо заметить, в первый месяц у многих в нашей роте скакала температура – тридцать восемь, тридцать девять, до сорока даже. Нам объясняли, что это все из-за смены обстановки, из-за нагузок. Естественно, зима была адовая, а на нас всегда была куша одежды. Вообразите: две пижамы, потом штаны с рубашкой, потом ватник или куртка – целый комплект одежды. В зависимости от погоды, комплекты менялись: «единичка», «двойка», «тройка», «четверка» и «пятерка». Это армейские такие словечки. Допустим, нам говорят: рота собирается по «пятерке» на линейке, и все понимают, как именно нужно одеться. А если что-то не так, если кто-то провинился, то наказывают ведь всю роту, вот ты и стоишь, весь одетый, и полчаса, и час, а потом, пропотевшего, выгоняют тебя на мороз. Немудрено, что многих лихорадило от таких перепадов температуры.

Однажды, помню, я продержался с температурой под 40 целый день, прятал как мог. Все-таки коллектив сплоченный был, не любил я отправляться в лазарет, отлынивать. Первый месяц, правда, ничем толковым мы не занимались, только ели да снег чистили, это уже потом, когда я в роту попал, мы начали работать по полной программе, и было нелегко, тем паче, в моей части увольнительных не было практически. Только один раз, сразу после присяги, отпустили нас на сутки, помню. Рота наша была показательная, элитная, если можно так выразиться. Если какие проверки грядут – все к нам.

Еще одна была похожая рота у нас, снайперская, говорят, что там все также было жестко, но я не знаю, какие именно законы у них там царили.

Можно с разных сторон посмотреть: может, мне повезло, что такие условия были, а может, и не повезло. Да ведь и служить-то полноценно почти не получалось из-за температуры. Да, не такой была служба, которую я себе представлял.

Кстати, брат мой, с которым мы так хотели служить вместе, но не срослось, мог бывать в увольнительных каждые два месяца. В каждой части свои порядки, у нас вот такой халявы не было.

Никаких телефонов новобранцам не разрешается, все забирают сразу же. Выдают только по воскресеньям на пару часиков. Встречи с родственниками длятся не дольше: разве только на контрольно-пропускном пункте посидеть, поболтать. Все было строго, никаких увольнительных. Как-то кое у кого получалось прятать телефоны. Я по своей глупости подумал: раз прячут трубки, значит, можно, наверное, спрятать и планшет! Так что, когда ко мне приехали в первый раз на встречу родители, я попросил их привезти мне этот гаджет.

Я был уверен, что смогу сделать так, чтобы технику у меня никто не заметил, но когда вернулся с планшетом в часть, понял, что идея эта весьма сомнительна. Позвонил родителям снова: надо, мол, забрать его, а то найдут и разобьют, а вещь все-таки не дешевая. Да-да, у нас так и было: если у кого обнаруживался телефон во внеурочный час, его могли

при всей роте показательно разбить со словами, что вот, мол, сдайте, если у кого есть, пока не поздно, а то так же разобьем, и чтоб неповадно было.

Итак, я прятал свой планшет каждые два часа: то за шкаф, то в собственные штаны. А в армии же порядки строгие, чуть что – за малейшую провинность отжимаешься или приседаешь. И вот как-то велели мне отжиматься за что-то, а у меня как раз планшет этот в штанах. Ну, я отжимаюсь и понимаю, что сейчас будет вселенская катастрофа, потому что он выскальзывает. Сейчас выпадет из штанов на пол, и хана. И тебе, и планшету. Товарищ лейтенант, говорю, что-то мне как-то нехорошо, разрешите, я лучше присесть буду, а не отжиматься? Нет, говорит, не выдумывай, отжимайся. Пришлось продолжать. С каждым новым отжиманием планшет все ближе к тому, чтобы выпасть. И вот, в самый последний момент лейтенант вдруг передумал и говорит: ладно, так уж и быть, мол, приседай. Уф, думаю, слава Богу, пронесло. Еще одно движение, и он точно выпал бы на пол. Как-то я смог его поправить там, в штанах, и доприсесть положенное. И вот так на протяжении двух месяцев. Сами понимаете.

А планшет нужен был просто для общения, коммуникации, для игрушек, в конце концов. Есть, я знаю, части, где не так строго со всем этим, но вот моя была именно такой. У нас там полковник был, внимательно следил за этим. В конце концов, и данные секретные, к которым у нас доступ был, да и вообще, законы в армии свои, и они сильно отличаются

от тех, что в обычной жизни.

Вот, например, есть такая штука, как членовредительство. Ты можешь просто попить ледяной воды из-под крана — и отправиться за это в дисциплинарный батальон, если тебя за этим увидит кто-то из начальства. Ведь ты же вредишь себе, можешь заболеть.

Было у нас как-то и такое: человек обратился с болью в ноге. Рентген показал иголку у основания кости. Решили по медицинскому заключению, что он ее просто проглотил, а она по венам дошла почти до ноги. И что вы думаете, его посадили в дисциплинарный батальон за членовредительство, и не докажешь ведь ничего, специально, не специально, членовредительство, и все тут. Логично ведь, кто же случайно иголку проглотит, наверняка специально проглотил.

Впрочем, некоторые все равно не гнушались членовредительством. Кто-то, например, глотал таблетки с хлоркой, чтобы язву желудка заработать, мне и такое рассказывали. А было и еще веселее. Есть такая болезнь, связанная с недержанием мочи, и вот у нас один парень специально писался в кровать, и в роте, и в лазарете. Его признали было членовредителем, потому что ночью его соседи по палате обнаружили, что он просыпается, встает на ноги, писает в постель, а потом надевает на себя ватник, чтобы не спать на мокром, и ложится дальше. А ведь должен, если болеет, и не просыпаться даже, а во сне все это делать...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.